

А.А. Постникова

Постникова Алена Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: alyonapostnikova87@yandex.ru.

РУССКАЯ КАМПАНИЯ 1812 Г.: ПО СЛЕДАМ СТЕНДАЛЯ

В статье рассматривается период жизни Стендаля, связанный с военной кампанией Наполеона в России в 1812 г. Разбираются причины, по которым Стендаль принял участие в войне с Россией, основные эпизоды жизни писателя, связанные с походом «Великой армии». В статье анализируется восприятие французским писателем «чужой страны», прослеживается то, как опыт войны с Россией повлиял на становление Стендаля как автора.

Ключевые слова: Стендаль, Русская кампания Наполеона 1812 г., письма Стендаля, Березина.

Стендаль признан мастером психологического романа. Вся его жизнь и творчество были наполнены наблюдением за «движением человеческого сердца» (1). Но тайну его души не удалось разгадать ни современникам, ни потомкам. Собственно, Стендаль и не стремился быть понятым со стороны окружающих, но, осознавая, что наступит время, когда его все же попытаются понять, он оставил в своем дневнике следующую запись: «Если вы сдержаны, не читайте. Если вы не сдержанный, но честный человек, прочтите, но не повторяйте того, что вы узнаете» (2). И все же дерзнем... И попытаемся, хотя может и тщетно, понять, что же произошло с Анри Бейлем, будущим великим писателем Стендалем, в суровой и заснеженной России.

Оставаясь при жизни загадкой, Стендаль все же описал свой земной путь в художественных произведениях. Вполне искренне и, как кажется, достаточно точно, он описывал те события, которые изменили его жизнь и взгляд на свое собственное призвание. «Я, к сожалению, – читаем мы в его записной книжке, – далеко не тот человек, каким был в 1811 г. Вернувшись из Москвы, я не нашел в себе больше тех страстей, которые нарушали однообразие моей жизни» (3). Эти слова навели нас на мысль о том, что русская кампания отчасти повлияла на формирование известного всему миру писателя Стендаля. К сожалению, исследователи его творчества и жизни обращались к участию Стендаля в войне

1812 г. очень поверхностно или же вообще не упомянули об этом важном событии. Между тем, дни, проведенные в России, долго тревожили память писателя и оставили свой след почти во всех его произведениях.

Для того чтобы понять, каким образом война 1812 г. повлияла на формирование Стендаля как писателя, человека и историка, обратимся к тому мечтательному юноше Бейлю, который пустился в авантюру наполеоновских войн.

С юношеских лет А. Бейль (Стендаль) мечтал о карьере драматурга: «Я, например, думаю, что когда-нибудь создам что-либо на театральном поприще» (4). В своей «Записной книжке» он отметил, что играл главную роль в пьесе «Мизантроп». По-видимому, вживание в личность Альцеста привело к прочному слиянию актера со своим героем. Так, черты «мизантропа» будут в дальнейшем часто проявляться в характере Стендаля, давая повод для критики тем, кому удалось охватить поверхностным взглядом лишь внешнюю оболочку этой личности.

Во многом именно Мольер вдохновил А. Бейля на написание собственной пьесы под название «Летелье», работа над которой будет укрощать его одиночество в катастрофические моменты русской кампании. Юный А. Бейль предстал перед нами человеком, всецело поглощенным миром искусства, драматургом, который уже в двадцать лет определил свою цель – «жить для своего таланта» (5). Так, творчество для Стендаля стало смыслом жизни, а уже потом – профессией.

Несмотря на то что Стендаль пытался сделать военную карьеру, почти всю свою энергию он продолжал отдавать искусству. К примеру, во время пребывания Стендаля в Вене в 1808–1809 гг. в должности помощника государственного советника П.А. Дарю он ни строчки не написал о военных действиях. Его письма за этот период наполнены чувством глубокого восхищения композитором И. Гайдном. Стендаля восхищала в музыканте самоотверженность по отношению к творчеству и простота в жизни. Создается впечатление, что тогда, в 1808–1809 гг., бурным военным и политическим событиям никак не удалось ворваться в духовный мир Стендаля. Отголоски войны, время от времени все же проникавшие на страницы писем и дневника Стендаля, вызывали в нем исключительно только всплеск раздражительности.

П. Мериме точно сформулировал смысл отношения Стендаля к войне: «Храбрец от природы, он наблюдал войну с любопытством, но совершенно хладнокровно. Не будучи совсем нечувствительным к великим и героическим сценам, которые ему приходилось видеть, он все же в особенности любил наблюдать смешные и нелепые стороны войны» (6).

Так, Стендаль, увлеченный музыкой и театром, последовал за Великой армией в Россию. Что же ожидал он получить от этой поездки?

На тот момент Россию Стендаль, как и большинство западноевропейцев начала XIX в., представлял дикой, пустынной страной: «В этих окрестностях на протяжении 50 лье могут отсутствовать признаки жизни (это доходит до абсурда)» (7). Совершенно точно, что Стендаль не надеялся испытать в России творческое вдохновение, как то было в Италии. В одном из писем своему другу он признался, что в этой авантюре ему хотелось бы получить титул барона.

Итак, 23 июля 1812 г. в качестве интенданта А. Бейль отправляется в Россию. Он присоединяется к армии 14 августа. Но не успел еще А. Бейль ощутить войну, она его уже разочаровала, навесила скуку. «Я не счастлив, что попал сюда. Как меняется человек! Иной раз я готов расплакаться. В этом океане варварства моя душа ни находит отклика не в чем!» (8), – написал он из Смоленска своему другу Ф. Фору.

Разочарование заставило А. Бейля по достоинству оценить наиболее яркие моменты своего прошлого: «С тех пор, как я узнал Милан и Италию, все, что я вижу, отталкивает меня своею грубостью» (9). Война не оправдала романтических чувств и амбиций А. Бейля, и он вернулся в свой мир искусства, в котором никогда не ощущал одиночества. Недалеко от Смоленска он нашел пианино и попросил своего товарища о безумном поступке – сыграть Моцарта.

Судя по письмам и произведениям Стендаля, величие сражений не затрагивали писателя. Он не находил в них героизма, скорее он подходил к их описанию с иронией. Даже Бородинское сражение не осталось в памяти А. Бейля каких-либо ярких впечатлений.

В «Записках эгоиста» он вспомнил лишь один момент, не несущий какого-то глубоко смысла: «В вечер после Бородинской битвы, заметив в нескольких шагах от себя останки 2-х или 3-х гвардейских генералов, я не мог удержаться, чтобы не заметить: “Несколькими нагльцами стало меньше!” – замечание, чуть не погубившее меня и показавшееся бесчеловечным» (10).

Заметим, что эту ремарку о Бородинском сражении Стендаль сделал много лет спустя. Думал ли он тогда, в 1812 г., именно так? В его переписке в ходе русской кампании нам не встретилось упоминаний о Бородинском сражении. Возможно, что Стендаль и не был очевидцем этого события. Следует заметить, что в своих письмах в начале войны писатель выступает в качестве наблюдателя, и достаточно сложно выявить те события, в которых он принял непосредственное участие.

Лишь в Москве Стендаль оказался вовлеченным в борьбу за жизнь. С первого же дня пребывания в городе, с 14 сентября, все события он начал фиксировать в дневнике. Как мы узнали из его записей, полк, в котором находился А. Бейль, расположился в Апраксинском дворце, со двора которого писатель мог видеть пожар Китай-города. В

первый же день, преодолевая зубную боль, А. Бейль принял участие в тушении пожаров. Когда огонь распространился до Апраксинского дворца, А. Бейль со своими товарищами отправился на поиски более безопасного места для пребывания.

Во время хождений по городу он нечаянно встретил французскую актрису Аврору Бюрге. Эту встречу он довольно ярко запечатлел в своем дневнике: «Я нашел мадам В... Она хотела броситься мне в ноги: это было бы очень смешно. Я заметил, что в ее словах не было естественности. Я сделал, конечно, много для нее, поместив ее толстую невестку в свою коляску» (11). Актриса подбодрила его важной новостью о том, что Мелани Гилберт, одна из бывших возлюбленных Стендаля, часто о нем вспоминала.

Мелани фигурирует в записках писателя под сценическим именем Луазон. Вот одна из записей от 19 февраля 1805 г.: «У нее такая же впечатлительная душа, как и у меня» (12). Однако все закончилось довольно трагично для Стендаля. Мелани вскоре вышла замуж за русского генерала Баркова и уехала в Россию. В дневнике Стендаль отметил лишь ее имя, не сказав, какое впечатление на него произвело это воспоминание.

После описанной встречи он спокойно продолжил свои поиски, ни слова не сказав о душевной боли, лишь скромно пожаловавшись на усталость: «Уже с самого Смоленска я совсем обессилел, а еще был настолько ребячлив, что вкладывал душу в поиски этих домов и всячески сустился и хлопотал. “Вкладывал душу”, пожалуй, слишком сильно сказано, но сустился я действительно много» (13).

Переезд из Апраксинского дома во дворец Ф.В. Ростопчина с обширной библиотекой позволил А. Бейлю на мгновение опять закрыться в своем мире книг: «Мы остановились в этом доме, где, по-видимому, жил богатый человек, любящий искусство. Там были прекрасные книги. Например, Бюффон, Вольтер» (14). Судя по словам писателя, в Москве он увлекался не только литературой, но и находил время принять участие в грабежах: «Я устал: приходилось идти пешком, так как моя коляска была загружена добром, награбленным моими слугами» (15).

Обозревая горящую Москву, Стендаль исполнился ненавистью к организаторам пожара: «Мы видели огромные горящие пирамиды из мебели. Это дело совершил коварный Ростопчин» (16). Можно сказать, что эти первые два дня заставили Стендаля наконец-то почувствовать опасность и ощутить ответственность за товарищей. Прежнее ироничное описание войны исчезло.

Опасность заставила Стендаля задуматься о смерти и сохранить благодаря этому память о своем пребывании в Москве. Возможно, именно поэтому он решил когда-нибудь отправить Ф. Фору свой днев-

ник: «Сохрани эту болтовню. Необходимо, чтобы я извлек пользу из этих страданий» (17).

После 15 сентября на две недели Стендаль замолк. Даже до безумия равнодушного к войне Стендаля постигло разочарование, и только 30 сентября на бумагу вырвалась нота отчаяния: «В течение 6 дней книги мне причиняют только отчаяние. Неприятности не прибавляют сил. Я надеюсь, что моя работоспособность вернется» (18). Он постарался сдерживать это отчаяние в письмах из Москвы. В них мы не увидим ни жалоб, ни страха, а лишь безмятежные наблюдения писателя.

2 октября Стендаль нашел возможность написать письмо другу. В нем перед нами предстанет А. Бейль как писатель-одиночка, равнодушный ко всем происходящим вокруг него событиям. Накал опасности, связанный с пожарами, угас, и Стендаль в письме к другу решил не возвращаться к этим событиям. Может быть, он посчитал это уже лишним, бессмысленным. По всей видимости, этим письмом А. Бейль заполнил пробел дневника. Так, из этого письма мы узнаем, что дни с 16 сентября по 2 октября Стендаль провел в одиночестве, насладившись написанием пьесы «Летелье»: «Я заболел, и мне дали 8 дней одиночества. В этих обстоятельствах я должен возобновить написание "Летелье". Это у меня вызывает сладкие воспоминания» (19). Возможно, главный герой его произведения напомнил ему тщеславного юношу, который отправился в «дикую» Россию за баронским титулом и жестоко разочаровался. Через несколько лет в предисловии к этой пьесе Стендаль вспомнил о своем пребывании в Москве: «Я возобновил тогда Летелье для того, чтобы занять эти пустые дни» (20). Конечно, спустя несколько лет, взглянув на московские дни с высоты состоявшегося писателя, он посчитал пребывание в русской столице бесполезным.

Вопреки всей сложившейся в Москве ситуации Стендаль подбадривал себя мыслями об искусстве: «Кажется, мне придется провести здесь зиму; надеюсь, что у нас будут концерты» (21). Конечно, в очередной раз писатель не избежал возможности охарактеризовать свое окружение: «Я тебе пишу в маленьком дворце, где два молодых дурака, прибывшие из Парижа, рассказывают о том, чем бы они хотели заняться в Москве» (22).

Первое письмо Стендаля к Ф. Фору привлекает обилием размышлений об искусстве и философии. В дальнейшем мысли о литературе, которыми он поделился с другом, Стендаль более точно сформулирует в труде «Расин и Шекспир»: «...тем, кто участвовал в отступлении из России, смешны классические пьесы, нужна эстетика Шекспира» (23). За этими размышлениями достаточно трудно увидеть детали той военной обстановки, в которой оказался Стендаль.

По всей видимости, только в дневнике писатель позволил себе высказаться насчет сложнейших проблем и не побоялся написать о своей усталости. В письме к Ф. Фору он избегал высказываний о себе, лишь судорожно и увлеченно говорил об искусстве, о своей будущей пьесе. Не удивительно, ведь Стендаль был чрезвычайно скрытным человеком, в жизни которого самым ценным были творческие идеи. И даже автобиография была замаскирована им под художественное произведение. Он не пытался добиться признания со стороны современников и потомков, а во всем следовал принципу – быть верным только себе. Эту идею Стендаль более подробно выразил в своей статье «Люди, о которых говорят», естественно, не причисляя себя к таковым.

Возникает даже сомнение в степени искренности А. Бейля со своим другом Ф. Фором, так как в «Анри Брюларе» Стендаль откровенно признался: «Феликсу Фору, давнему моему другу по Греноблю, были совершенно чужды мои безумные рассказы о любви и искусствах. Это отсутствие безумия у него всегда притупляло нашу дружбу, которая, по сути, была лишь попутчеством в жизни» (24). Стендаль не проявляет искренности в общении с людьми, в чем он признался в письме отправленном к сестре, из Москвы (25). Поэтому, конечно, полагаться полностью на то, что было изложено им в письмах, вряд ли возможно.

После того как А. Бейль поделился своими философскими размышлениями с Ф. Фором, 4 октября, без каких-либо комментариев, он отправляет ему дневник за 1812 г. На этом А. Бейль прекращает писать ему письма из Москвы. Таким образом, его другу оставалось думать, что А. Бейль проведет зиму в Москве за написанием «Летелье». 15 октября А. Бейлю было уже известно, что вскоре армия оставит город, но своим близким он об этом не сообщил.

16 октября писатель отправил письмо графине А. Дарю, где в шуточной форме описал свои приключения в Москве. Он довольно легкомысленно дал понять графине цель своего путешествия: «Я поехал в Россию в поисках развлечений, я их не нашел и все время думаю о Франции» (26). А. Бейль в этом письме постарался передать не только состояние скуки, разочарования, но и одиночества. Графине писатель сказал только об одном человеке, с которым он поддерживает разговоры. Очевидно, этим человеком был главный распорядитель императорской квартиры Л. Жуанвиль, рядом с которым будущий писатель находился с самого начала кампании. С ним А. Бейль познакомился еще в Италии в 1800 г., с тех пор он его называл просто Луи.

Если письмо к Ф. Фору было насыщено глубокими философскими размышлениями, то обращение Стендаля к графине Дарю отличается легкомысленностью и пафасностью. Возможно, что причиной этого было отношение писателя к графине, о которой в «Анри Брюларе» он

сказал так: «Вообще же я никогда не встречал существа, которое было бы до такой степени лишено небесного огня» (27). Тем самым, обладавший артистическим талантом, Стендаль играл даже в письмах, защищая свой внутренний мир от лишних посягательств. С первого взгляда видно, что при написании дневника Стендаль соотносил себя с общей армейской массой, а в письмах – противопоставлял.

Когда А. Бейлю стало известно, что армия собирается уходить из Москвы, он внезапно вспомнил о Мелани Гильберт. Возможно, писатель знал, что опасность угрожает Петербургу, и решил позаботиться о судьбе Луазон, попросив нотариуса Л. Русса предоставить ей защиту: «Мне кажется, ей будет трудно переехать из Петербурга в Париж» (28). Свое равнодушие к Мелани в письме он объяснил следующим образом: «Я решил, что наша дружба с г-жой Барковой обязывает меня собрать эти грустные сведения» (29).

Помимо заботы о Мелани в Москве на Стендаля обрушились проблемы обеспечения армии продовольствием. В письме интенданту г. Ковно Ш.Л. де Ну Стендаль скромно указал, что долго сопротивлялся этому назначению и достаточно остроумно раскритиковал свою кандидатуру: «Я облечен чем-то вроде власти над интендантами Смоленска, Могилева и Витебска. Не знаю, что из этого выйдет. По-моему, это неправильная мера» (30). Несмотря на сомнения, из писем видно, что он ответственно подошел к выполнению своих обязанностей. Превозмогая ужасную зубную боль, А. Бейль принялся за работу. Через письма он наладил связь с интендантами Смоленска, Могилева и Витебска. Интересно отношение А. Бейля к своим подчиненным. Обращаясь к Ну, он ненавязчиво попытался вселить доверие к себе, восхваляя должность аудитора: «Восемь гвардейских капитанов стали майорами, хотя они не сделали ни единого выстрела, а аудиторы мучались» (31).

Тон писем достаточно вежливый, даже просящий: «Нам придется вступить с вами в деловые отношения, и я самым настоящим образом припадаю к вашим стопам и умоляю вас помочь мне выполнить очень трудное поручение» (32). Да, А. Бейль был способен отойти от своих принципов эгоцентризма ради выполнения долга.

Выполняя свои обязанности, А. Бейль покинул город 16 октября. Через несколько лет, вспоминая в «Жизни Наполеона» пребывание Великой армии в Москве, он сказал: «Из тщеславия Наполеон решил взять Москву. Этот неосторожный шаг не имел бы вредных последствий, если бы император оставался в Кремле не более трех недель» (33).

Стендаль нигде не написал о направлении движения Великой армии, вышедшей из Москвы. Только однажды, из Смоленска, в письме к графине Дарю он обмолвился: «Я не могу контролировать, где находится главная квартира во время этого движения на Петербург» (34). Веро-

ятно, А. Бейль долгое время был уверен, что Наполеон пойдет на северную русскую столицу.

Нам приходится только догадываться, какие лишения, трудности пришлось испытать А. Бейлю по дороге от Москвы до Смоленска: о них он умалчивает. Единственное, что нам стало известно из его последующих писем, этот путь он проделал в конвое с больными и ранеными. Возле Смоленска А. Бейль подвергся нападению казаков. Возможно, что именно в ходе этой схватки писателем был утерян и дневник за 1806–1807 гг., и пьеса «Летелье».

7 ноября А. Бейль прибыл в Смоленск и в этот же день отправил Ф. Фору письмо, в котором успокоил друга в том, что никакие невзгоды не убили в нем романтика: «Благодаря отсутствию моих коллег ничто не нейтрализовало романтическую сторону моей души, без которой я противен себе» (35). Писатель попытался проанализировать причины, которые привели армию к краху: «Все наши идеи были разбиты о физические лишения» (36). Далее он охарактеризовал состояние армии: «Люди падают больными. Им хочется верить, что они еще могут действовать, но на самом деле это уже не так» (37).

Пройдет время, и чувство сострадания к своим боевым товарищам покинет Стендаля. Осмыслив в дальнейшем поведение солдат, он в очередной раз убедится в тщеславности французов. В большинстве своих произведений Стендаль будет осуждать эту черту характера соотечественников. В труде «Жизнь Россини» он назовет тщеславие основной причиной поражения французов в России. Но ведь тщеславие было характерно и для А. Бейля, когда русская кампания только начиналась! Возможно, что именно война 1812 г. заставила Стендаля избавиться от этой черты своей натуры.

В письме из Смоленска графине Дарю еще чувствуется присущая молодому А. Бейлю сентиментальность. Автор стремится вызвать у графини чувство сострадания. Из этого письма мы узнаем, что А. Бейль 24 октября был атакован казаками. Об этом случае он в дальнейшем подробнее расскажет своему другу, ученику, писателю П. Мериме: «Уехав из Москвы, Бейль очутился, вместе с отрядом в полторы тысячи человек, отделенным от остальной армии весьма значительным корпусом русских. Часть ночи была проведена в жалабах, но потом энергичские люди принялись увещевать трусов» (38).

В письме Стендаль великолепно передал атмосферу опасности, тревоги, что еще больше должно было приподнять его мужественность в глазах графини. К нашему удивлению, обращаясь к ней, он сказал, что во время отступления к Смоленску обрел друзей, так как в предыдущем письме мы увидели совершенно другую картину. Среди вновь обретенных товарищей он особо отметил генерала П. Мурье, командующего

кавалерией 3-го армейского корпуса маршала М. Нея. Этот генерал был ранен в Бородинском сражении и находился в эскорте раненых, с которым следовал А. Бейль. Рядом с П. Мурье наш герой будет находиться вплоть до Березины.

Несмотря на все препятствия и лишения, А. Бейль все еще не хотел расставаться с надеждой получить титул барона, о чем он написал отцу из Смоленска: «Завтра я, вероятно, заеду в Оршу по дороге в Минск. Я измучен и умираю от усталости, но здоров. В дороге я болел. Словом, если его величество сделает меня бароном, я недаром получу этот титул. Газтан, тоже устал, но здоров. Тысячу приветов всей семье» (39). Из этого письма мы узнаем, что А. Бейль во время отступления из России был вместе с младшим помощником военного комиссара, своим кузеном Г. Ганьеном. Более в своих письмах он не будет упоминать о своем долге интенданта, как и о своих надеждах получить титул барона.

После письма к отцу А. Бейль на десять дней прервал переписку. 20 ноября он решил в очередной раз, в письме к сестре Полине, осмыслить все происшедшее с ним. Только в общении с ней он мог позволить себе искренность. В его записной книжке за 1805 г. в отношении сестры есть следующая запись: «Думаю, что не слишком много на свете братьев вроде меня, которые имеют счастье пользоваться взаимной дружбой девушки, обладающей блестящими способностями и чудеснейшей душой» (40).

В письме к Полине, написанном 20 ноября 1812 г., А. Бейль попытается осмыслить то, что с ним произошло за последнее время. Центральное место в этих строках занимает Москва: «...этот прекраснейший город, один из прекраснейших храмов наслаждения, превратился в черные развалины» (41). Но, описав пожар и сам города, А. Бейль совершенно не коснулся темы отступления и пребывания армии в Смоленске. Возможно, описывая более памятные впечатления, он тем самым хотел уйти от реальности, в которой находился в тот момент. Попрощаясь А. Бейль с Полиной обнадеживающей фразой: «Я думаю, сударыня, что счастливый Бейль с вами» (42).

Это письмо интересно тем, что наш герой приложил к нему записочку, в которой, по его словам, передал правдивые мысли: «Разбери, если у тебя хватит терпения, прилагаемый черновик; это письмо госпоже Беньо, и все, что в нем написано, чистая правда». Действительно, текст этой маленькой записки во многом отличается от предыдущих писем Стендаля. Писатель впервые позволил себе проявить обеспокоенность за судьбу армии: «Мадам, великое несчастье, мы уменьшили человеческий род. Мы испытали великие трудности и это меня печалит» (43). Через несколько лет графине Беньо Стендаль посвятит свое произведение «Письма о Гайдне, Моцарте и Метастазии».

А. Бейль попросил сестру вложить это письмо в дневник, но там его, к сожалению, в дальнейшем не оказалось. Возможно, оно так и не дошло до адресата.

Необычайная твердость, сопротивление усталости стали характерны для А. Бейля в период отступления. Он сохранил эти качества и во время переправы через Березину, которая сломала даже самых стойких.

По рассказу, дошедшему к нам через П. Мериме, на переправе произошло следующее: «Г. Бергонье, аудитор Государственного совета, говорил мне, что он обязан жизнью Бейлю, который уговорил его перейти через Березину вечером накануне дня отступления. Бергонье хвалил хладнокровие и здравый смысл Бейля, не покидавшие его даже и тогда, когда самые храбрые теряли голову» (44). Согласно истории, рассказанной П. Мериме, П. Дарю, который отличался особым хладнокровием, воскликнул: «Бейль, вы – человек крепкого сердца».

Таким образом, о жизни и поведении А. Бейля после Смоленска сохранились лишь отрывочные воспоминания его друга. И все-таки мы можем сказать, что переправа через Березину оставила глубокий след в памяти писателя. В произведении «Пармская обитель» он назвал ее одной из ужаснейших катастроф, погубивших Наполеона.

После Березины А. Бейль, обгоняя армию, преодолел тяжелейший путь к Вильно. 14 декабря он достиг Кенигсберга. Физически усталый, измученный, он в этот же вечер слушал оперу Моцарта «Милосердие Тита». В «Жизнеописании Моцарта» Стендаль описал этот эпизод так: «Финальное прощание, когда Тит говорит собеседнику: Друзьями будем, вызывает слезы на глазах у самых бездушных чиновников, чему я сам был свидетелем в Кенигсберге после страшного отступления из Москвы. Вновь приобщившись к цивилизованному миру, мы услышали в этом городе «Милосердие Тита» (45).

На этом ужасы русской кампании не оставили А. Бейля. Вернувшись в Париж, он решил поделиться воспоминаниями со своим дневником: «Я не люблю писать о себе, но в данном случае я отойду от этого правила» (46).

Выплеснув на бумагу впечатления о России, он написал: «Меня до сих пор не покидает чувство холода. Приятно, что пребывание в Москве и Смоленске породило в моей голове кое-какие идеи» (47). Видимо, первые воспоминания Стендаля о России были достаточно судорожными и отрывочными.

Со временем эти впечатления обретут более последовательный и осмысленный вид. В этом плане интересен отзыв Стендаля о книге Ф.П. Сегюра о походе в Россию. Писатель акцентировал в нем внимание на том, как французы поджигали целые дома, чтобы согреться, как в

безумии они бросались в костер, а их товарищи ели потом обуглившиеся тела. Главным виновником несчастий Франции в 1812 г. он считал Наполеона: «Суровый 1812 г. разоблачил Наполеона как военного и показал его легкомысленность. Голова императора закружилась от гордости» (48).

Более того, война 1812 г. стала для Стендаля не просто событием в истории Франции, но переломным моментом и в его собственной жизни. Она заставила писателя оценить значение искусства и литературы в его судьбе. Так, ради творчества он преодолел свое честолюбие и забыл о военной карьере. Еще в 1805 г. он записал мысль, ставшую пророческой: «Когда мое глупое тщеславие окончательно покинет меня, и я смогу быть откровенным, это только возвысит меня в общем мнении» (49). В итоге после русской кампании он полностью углубился в творчество и возвысился над страстями, присущим, как он считал, посредственным людям.

Во многом война 1812 г. стала для него и источником богатого жизненного опыта, необходимого для литературного творчества. На это он обратил внимание еще в Смоленске в письме к Ф. Фору: «Одно это путешествие вознаграждает меня за то, что я увидел и почувствовал такие вещи, как писатель, ведущий сидячий образ жизни, не угадает и за тысячу лет» (50).

Русская кампания обнажила для Стендаля наихудшие стороны войны, что нашло отражение в его творчестве. Многие писатели отмечали, что именно ему принадлежит первенство в создании психологической картины войны. Подобную мысль выразил Л.Н. Толстой: «Я больше, чем кто-либо другой многим обязан Стендалю. Кто до него описал войну такую, какова она есть на самом деле?» Несколько десятилетий спустя нечто похожее сказал Э. Хемингуэй: «Стендаль видел войну, и Наполеон научил его писать. Он учил тогда всех, но больше никто не научился».

Стендаль был признан психологом благодаря всего нескольким страницам – описанию сражения под Ватерлоо в «Пармской обители». Герой его романа Фабрицио, окрыленный почтением к Наполеону, преодолевая все невзгоды, мчится защищать императора на поле Ватерлоо. Но его романтической душе суждено было встретить разочарование, что произошло и со Стендалем в 1812 г.: «Значит война вовсе не тот благородный и единодушный порыв сердец, влюбленных в славу, как он это воображал. начитавшись воззваний Наполеона!» (51). Описание сражения лишено героического пафоса, характерного для романтизма XIX в. Мысль писателя склоняется к тому, что война – это не проявление героизма, подвига, а «зрелище трупов и раненных». Убийство человека при-

равнивается к обычной охоте, за которой не стоит никакой твердой идеи.

Таким образом, участие в войне 1812 г. было тем эпизодом в жизни А. Бейля, который привел его к переосмыслению своей жизни и сути творчества. Благодаря полученному опыту Стендаль, как психолог и как историк, дал миру новое представление о войне. Достаточно ясно определив свое отношение к событиям русской кампании, он попытался скрыть свое участие в ней, оставшись всего лишь наблюдателем. Так, по его собственному желанию, он навсегда останется для нас вечной загадкой «Стендаль».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стендаль. Вальтер Скотт и «Принцесса Клевская» // Собрание сочинений. Л., 1958. Т. 9. С. 317.
2. Stendhal. Journal (1811–1823). P., 1937. T. 5. P. 117.
3. Стендаль. Записная книжка. М., 2001. С. 130-131.
4. Там же. С.16.
5. Там же. С. 25.
6. Мериме П. Разоблаченный Стендаль. Петербург, 1924. С. 87.
7. Stendhal. Correspondance (1812–1816). P., 1933-1934. T. 4. P. 55.
8. Ibid. P. 64.
9. Ibidem.
10. Стендаль. Записки эгоиста // Собрание сочинений. М., 1959. Т. 13. С. 3.
11. Stendhal. Journal. P. 106.
12. Стендаль. Записная книжка. С. 41.
13. Stendhal. Journal. P. 106.
14. Ibidem.
15. Ibid. P. 110.
16. Ibid. P. 114.
17. Ibid. P. 115.
18. Ibidem.
19. Stendhal. Correspondance. P. 67.
20. Stendhal. Théâtre. P., 1931. P. 14.
21. Stendhal. Correspondance (1812-1816). P. 69.
22. Ibidem.
23. Стендаль. Расин и Шекспир. М., 1987. С. 45.
24. Стендаль. Анри Брюлар // Собрание сочинений. М., 1959. Т. 13. С. 103.
25. Stendhal. Correspondance. P. 97.
26. Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.F.M. Goriaïnow. P., 1913. P. 161.
27. Стендаль. Анри Брюлар. С. 246.
28. Lettres interceptées... P. 152.
29. Ibidem.
30. Ibid. P. 126.
31. Ibid. P. 127.
32. Ibidem.
33. Стендаль. Жизнь Наполеона // Собрание сочинений. М., 1955. Т. 11. С. 148.
34. Stendhal. Correspondance. P. 110.
35. Lettres interceptées... P. 201.
36. Ibidem.

37. Ibidem.
38. Мериме П. Указ. соч. С. 17.
39. Lettres interceptees... P. 270.
40. Стендаль. Записная книжка. С. 101.
41. Stendhal. Correspondance. P. 113.
42. Ibidem.
43. Ibidem.
44. Мериме П. Указ. соч. С. 22.
45. Стендаль. Жизнеописания Гайдна, Моцарта и Метастазियो. М., 1988. С. 187.
46. Stendhal. Journal. P. 117.
47. Ibid. P. 118.
48. Berthier P. Stendhal journaliste anglais. P., 2001. P. 129.
49. Стендаль. Записная книжка. С. 102.
50. Stendhal. Correspondance. P. 98.
51. Стендаль. Пармская обитель. М., 1981. С. 58.

Alyona A. Postnikova

Postnikova Alyona, postgraduate student of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail:
alyonapostnikova87@yandex.ru

Russian campaign in 1812: in the footsteps of Stendhal

The author considers the period of life of Stendhal associated with the Russian campaign of Napoleon in 1812. The author examines reasons for Stendhal take part in the Russian campaign. The author examines basic episodes in the life of the writer associated with the campaign "Grand Army " in Russia. The article also examines the perception of French writer alien country. The author traces how the experience of war with Russia influenced the formation of Stendhal as a great writer.

Keywords: Stendhal, Russian campaign of Napoleon in 1812, letters of Stendhal, Berezina.

В.Н. Земцов

Земцов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); доктор исторических наук, профессор.